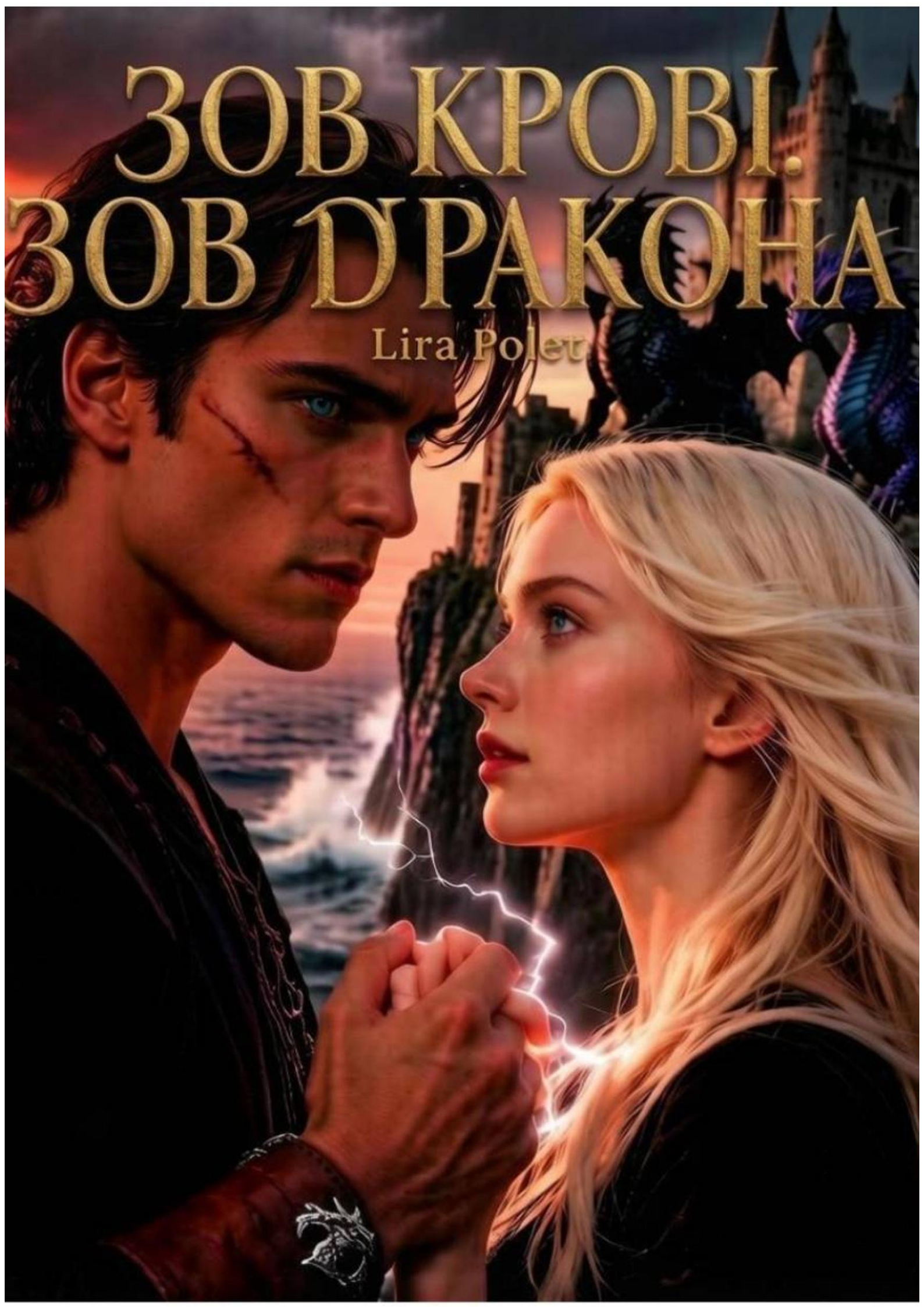


ЗОВ КРОВІ. ЗОВ ДРАКОНА

Lira Polet



Lira Polet

Зов крови. Зов дракона

«Автор»

2026

Polet L.

Зов крови. Зов дракона / L. Polet — «Автор», 2026

Его объявили мёртвым, когда ему было тринадцать. Она не поверила. Шесть лет спустя судьба сводит их в пограничной крепости Рейвенхолд, где готовят всадников на драконах. Он — командир элитного крыла, скрывающий своё настоящее имя. Она — беглянка из столицы, не узнающая в суровом воине мальчика, которого любила в детстве. Но когда его тёмный дар вырывается на свободу, а её тайный щит даёт трещину, прошлое настигает обоих. Зов крови требует справедливости. Зов дракона ведёт в небо. И теперь им предстоит не только защитить границу от диких племён, но и вернуть трон, украденный у законного наследника. Для поклонников «Четвёртого крыла» и «Эрагона» — история о драконах, магии, предательстве и любви, которая не умирает.

Lira Polet

Зов крови. Зов дракона

Глава 1 Проклятый дар

Лето в Альдарии стояло такое, что мостовые нагревались до белого свечения, а воздух над ними дрожал, как над раскалённой сковородой. Но в королевском саду у восточной стены было влажно и зелено — старые дубы смыкали кроны над фонтаном, и вода журчала так убаюкивающе, что даже стража у ворот клевала носом.

Здесь можно было спрятаться от всего: от этикета, от церемоний, от цепкого взгляда королевы Ровены, который Кассиан чувствовал затылком даже сквозь каменные стены.

Ему было двенадцать, и он ещё не знал, что такое настоящий страх. Знал только, что птицы слетаются к нему без опаски, что отец в последнее время смотрит куда-то сквозь него, а от новой жены пахнет не цветами, как от матери, а чем-то терпким и тревожным — то ли мускусом, то ли застарелой обидой.

Он сидел на каменном бортике фонтана, болтая ногами, и крошил в пальцах чёрствую булку. Воробьи — нахальные, горластые — пикировали прямо к его ладоням, не дожидаясь, пока крошки упадут в воду.

— Ты им не просто еду даёшь, — заметила Сиена. — Ты с ними болтаешь.

— Не болтаю.

— Болтаешь. У тебя лицо делается такое... — она нахмурила брови и выпятила нижнюю губу, изображая глубокую задумчивость, — как у философа. Или у сумасшедшего.

Кассиан фыркнул и запустил в неё крошкой. Хлебный шарик угодил ей прямо в нос.

— Эй!

— Прости, я целился в рот.

— Врун. Ты никогда не промахиваешься.

Она вытерла нос рукавом — леди Эйгис пришла бы в ужас, увидев дочь за этим занятием, — и снова уселась, подобрав под себя ноги. Ей было десять, но спорила она как пятнадцатилетняя. Светлые волосы, которые горничная заплела в аккуратную косу ещё утром, уже растрепались и торчали во все стороны, как пшеничное поле после бури. Маленький нос, чуть вздёрнутый кверху, придавал её лицу вечно озорное выражение — даже когда она пыталась быть серьёзной.

— Птицы тебя не боятся, потому что ты сам как птица, — заявила она. — Длинный, тощий, и вечно где-то витаешь.

— Я не тощий.

— Тощий. Но это ничего. Король тоже тощий. Зато у тебя волосы красивые.

Кассиан машинально пригладил тёмно-каштановую прядь, упавшую на лоб. От отца ему достались не только волосы цвета горького шоколада, но и рост, и разворот плеч, который обещал стать широким. А от матери — глаза. Голубые, чистого небесного оттенка, слишком яркие для его смугловатой кожи. Слуги шептались, что у покойной королевы Дианы были такие же — и что король до сих пор не может смотреть сыну в лицо дольше нескольких секунд.

— Отец говорит, это часть моего дара, — сказал он. — Птицы чувствуют, что я... ну, что я их не трону.

— Да знаю я, знаю. — Сиена закатила глаза. — У тебя будет чтение мыслей, как у короля, ты станешь великим правителем, все враги падут ниц, а благородные дамы будут рыдать от счастья при одном твоём взгляде. Скукота.

— Почему скукота?

— Потому что ты будешь знать всё, что я думаю. А я не хочу, чтобы ты знал всё, что я думаю. Иногда я думаю о всяком... — она замаялась, — о лошадях.

— О лошадях?

— О лошадях. О том, какие они большие и страшные. Не хочу, чтобы ты это знал.

Кассиан прищурился. Сиена Эйгис боялась лошадей примерно так же, как дракон боится мышей. То есть никак. Она была лучшей наездницей среди всех девочек её возраста, и он это знал.

— Ты врёшь.

— Я никогда не вру! — возмутилась она, но щёки порозовели. — Просто... иногда я думаю о другом. О чём не хочу, чтобы кто-то знал. Это личное.

— Я не буду читать твои мысли без спроса, — сказал он серьёзно. — Обещаю.

— Правда?

— Правда.

Она посмотрела на него — долго, испытующе, как смотрят только очень доверчивые или очень рано повзрослевшие дети. Потом кивнула, удовлетворившись ответом.

— Ладно. Тогда я разрешаю тебе быть великим правителем. Но только если ты не зазнаешься.

— Договорились.

Они скрепили договор рукопожатием, мокрым от фонтанной воды, и Кассиан вдруг поймал себя на мысли, что у неё очень тёплые пальцы. Маленькие, цепкие, и пахнут травой — она опять лазала через кусты, вместо того чтобы идти по дорожке.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказала она вдруг и, порывшись в складках платья, достала небольшой свёрток. — Это на удачу. Отец говорит, что Лихорадка — это как бой. А в бой нельзя без талисмана.

Кассиан развернул тряпицу. Внутри лежал браслет — кожаный, сплетённый из трёх тонких полосок, с маленькой серебряной застёжкой. А на нём, вцепившись когтями в кожу, сидел крошечный дракон. Не просто фигурка — настоящее произведение искусства. Каждая чешуйка была видна, каждое крыло изогнуто в полёте, и даже глаза — две крошечные точки из голубоватого камня — блестели на солнце.

— Это Штормокрыл, — сказала Сиена с гордостью. — Его сделал мастер Феррин, лучший кузнец в Альдарии. Я сама придумала, как он должен выглядеть, и заказала ему.

— Ты потратила на это свои карманные деньги? — спросил Кассиан, разглядывая браслет.

— Все до последней монеты. Три месяца копила. Но оно того стоило.

Кассиан молча надел браслет на запястье. Кожа была мягкой, приятной на ощупь, и дракон сидел точно над пульсом — как будто охранял его сердце.

— Я никогда его не сниму, — сказал он.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Третий ребёнок сидел на скамейке под старым дубом и в их разговоре не участвовал. Кейрану тоже было десять — они с Сиеной родились в один год, с разницей в несколько месяцев, — но он никогда не играл с ними на равных. Всегда чуть поодаль. Всегда наблюдал.

Сейчас он делал вид, что разглядывает жука на коре, но Кассиан знал: он слушает. Он всегда слушал. У него были пепельные волосы матери — светлые, но без золотинки, как выцветшая на солнце солома, — и бледное лицо, которое не брал загар даже в самый жаркий день. Глаза тёмные, почти чёрные, с поволокой, которую придворные дамы называли загадочной, а Кассиан — непроницаемой. Он никогда не мог понять, о чём думает младший брат. И это его тревожило.

Кассиан был наследным принцем. Тем, кому достанется всё, — так говорили вокруг, и так было записано в законах Эльдена. Трон, корона, магический дар Эшборнов. И, вероятно, Сиена. Их отцы давно обо всём договорились — лорд Магнус Эйгис и король Альрик ударили

по рукам, когда Сиене было пять, а Кассиану семь. Формальной помолвки ещё не объявляли, но слуги уже шептались, а слуги в Альдарии знали всё.

Кейран знал тоже.

— Иди сюда, — позвал Кассиан. — Чего сидишь один? Жук от тебя не убежит.

Кейран натянуто улыбнулся, но подошёл. Сел на край фонтана, но не рядом с ними — на расстоянии вытянутой руки. Он всегда держал дистанцию, и Кассиан не мог понять: это от застенчивости или от чего-то другого.

— Боишься Лихорадки? — спросил он.

Кейран пожал плечами:

— Будет что будет.

И снова Кассиан почувствовал ложь. Он ещё не умел читать мысли, но ложь улавливал безошибочно — по тому, как человек отводит глаза, как напрягаются плечи, как меняется дыхание. Кейран боялся. Только не самой Лихорадки. Он боялся, что его дар окажется слабее. Что он навсегда останется вторым. Запасным наследником. Тенью.

— У тебя будет сильный дар, — сказал Кассиан, потому что не знал, что ещё сказать. — Ты же Эшборн.

— Да, — ответил Кейран и улыбнулся той самой улыбкой, которая никогда не касалась его глаз. — Я Эшборн.

Сиена вдруг поёжилась. Она не поняла почему — просто холодок пробежал между лопаток, как будто кто-то невидимый коснулся её ледяным пальцем. Она отогнала это чувство и списала на ветер из фонтана.

Но много лет спустя, в Рейвенхолде, она вспомнит этот момент. И поймёт, что её щит дрогнул впервые в жизни.

Задолго до того, как она узнала, что он у неё есть.

Год спустя Лихорадка пришла к Кассиану.

Это случилось в середине осени, когда над Альдарией зарядили дожди и даже каменные стены замка, казалось, пропитались сыростью. Кассиан проснулся от того, что ему было жарко — не так, как бывает в натопленной комнате или под слишком тёплым одеялом, а изнутри. Будто кто-то развёл костёр у него под рёбрами и теперь раздувал его, размеренно и безжалостно.

Он попытался встать — и не смог. Тело не слушалось. Мышцы сводило судорогой, пальцы скрючились, впиваясь в простыни, а из горла вырвался звук, которого он сам от себя не ожидал: низкий, животный, почти звериный. Не крик — вой.

Дверь распахнулась. В комнату вбежал лекарь — старый Бернард, служивший ещё при деде Кассиана, с вечно поджатыми губами и желтоватыми от настоек пальцами. Он склонился над кроватью, пощупал лоб, отёрнул руку — обжёгся — и побледнел так, что Кассиан даже сквозь боль это заметил.

— Лихорадка Дара, — выдохнул Бернард. — Ваше величество, это Лихорадка. Самая сильная, какую я видел.

Король Альрик стоял в дверях, вцепившись в косяк с такой силой, что побелели костяшки. Ему было сорок четыре, но сейчас он выглядел на все шестьдесят. Высокий, ссутулившийся, с тёмно-каштановыми волосами, в которых за последний год прибавилось седины. Глаза — такие же голубые, как у сына, но выцветшие, словно кто-то разбавил небесную синеву водой. Он смотрел на Кассиана и не мог пошевелиться.

Он уже терял жену. Диану. Свою единственную любовь, которая умерла шесть лет назад при странных обстоятельствах, так и не раскрытых до конца. Он помнил ту ночь: те же судороги, тот же жар, тот же запах — сладковатый, тошнотворный, какой бывает у перезрелых фруктов. Только тогда это была не Лихорадка. Это был яд. Он знал это нутром, но доказать не мог, и с каждым годом воспоминание тускнело, словно кто-то завешивал его плотной тканью.

Селдон.

Имя советника всплыло в голове и тут же исчезло, смытое волной новой мысли — о сыне, о наследнике, о том, что сейчас нужно действовать, а не вспоминать.

— Он справится, — сказал Альрик. — Он Эшборн.

Но рядом уже стояли те, кто ждал иного исхода.

Ровена вошла бесшумно. Она всегда двигалась так — крадучись, словно кошка, которая не хочет спугнуть добычу. Высокая, худая, с пепельными волосами, уложенными в сложную причёску, которая держалась на десятке шпилек. Ни одна прядь не выбивалась. Ни одна ресница не дрогнула. Лицо — маска, безупречная в своей бледности. Тёмные глаза смотрели на пасынка, и в их глубине читалось что-то, что Альрик, будь он чуть внимательнее, назвал бы удовлетворением.

Одной рукой она держала за плечо Кейрана. Слишком крепко — мальчик потом скажет, что у него остался синяк. Сейчас он просто стоял и смотрел на кровать, где его брат, его соперник, его невольный кумир корчился в огне.

Кейран был бледнее обычного. Его пепельные волосы, унаследованные от матери, слиплись на лбу от испарины — в комнате было жарко, несмотря на распахнутые окна. Тёмные глаза, которые придворные дамы называли загадочными, сейчас были широко распахнуты. Он смотрел на брата и не мог отвести взгляд. В этом взгляде было всё: страх, надежда, зависть и — глубоко, на самом дне — что-то похожее на стыд. Он ненавидел себя за то, что чувствовал. Но ничего не мог с собой поделать.

Если Кассиан умрёт, трон достанется ему.

Эта мысль жгла его изнутри, и он ненавидел её. И не мог от неё избавиться.

Рядом с Ровеной стоял человек, которого во дворце боялись больше, чем королевы. Селдон Меридан, лорд-канцлер, глава древнего рода Мериданов, что веками служили Эшборнам. Сухой, поджарый, с узким лицом и светлыми глазами, которые ничего не выражали — ни сочувствия, ни радости, ни скорби. Он был похож на бухгалтера, который подсчитывает чужие грехи. Или на змею, которая ждёт, когда жертва перестанет дышать.

Он носил тёмно-серый камзол без единого украшения, и это был его фирменный стиль: Мериданы никогда не выставляли богатство напоказ. Они выставляли напоказ власть, а власть — это информация, связи и умение ждать. Селдон ждал двадцать лет. Двадцать лет он плёл свою паутину, вплетая в неё короля, двор, совет. И теперь, глядя на мальчика, который корчился в Лихорадке, он знал: час настал.

— Ваше величество, — произнёс он, и голос его был мягким, как шёлк. — Позвольте мне остаться с принцем. Мой дар иллюзий может успокоить его разум. Лихорадка терзает не только тело, но и душу. Я облегчу его страдания.

Альрик колебался. Что-то в этом человеке всегда настораживало его — не внешне, нет. Селдон был безупречно вежлив, безупречно лоялен, безупречно полезен. Но именно эта безупречность и казалась подозрительной. Как будто он играл роль. Как будто за маской не было лица.

И всё же он был лучшим магом-иллюзионистом в королевстве. И он предлагал помощь сыну.

— Хорошо, — сказал Альрик. — Но я останусь здесь же.

— Разумеется, мой король. — Селдон склонил голову, и в этом поклоне было ровно столько почтения, сколько требовал этикет. Ни больше. Ни меньше.

Он приблизился к кровати. Длинные пальцы — пальцы пианиста или отравителя — замерли над висками мальчика. Губы шевельнулись, произнося что-то беззвучное. И он начал.

Никто не заметил, что его иллюзии не успокаивали.

Они направляли. Искажали. Внедрялись в сам процесс Лихорадки, как червь в яблоко, разрывая естественный ход инициации и вплетая в него новые нити. Селдон работал ювелирно.

Каждое движение его сознания было выверенным, каждое прикосновение — рассчитанным. Он не хотел убивать мальчика. Убить наследника — слишком грубо, слишком заметно. Нет, он делал кое-что похуже.

Он создавал чудовище.

Знаки, которые должны были проявиться на теле принца, множились. Огонь — его дар должен был быть сильным, это ожидаемо. Сила — неплохо, полезно. Скорость — хорошо, быстрый наследник устроит всех. Разрушение — это уже лишнее, но пусть будет. А потом — два Знака, которые Селдон добавил сам.

Один лёг на виски, тонкий и извилистый, как змея. Чтение мыслей. Семейный дар Эшборнов, который Селдон ненавидел больше всего на свете. Пусть мальчик слышит всё, что о нём думают, — каждую грязную мысль, каждое предательство, каждый страх. Пусть это сведёт его с ума.

Второй Знак Селдон вывел на левом запястье — тёмный, похожий на струйку дыма. Управление тенями. Проклятый дар. Запретный. Тот, за который в былые времена сжигали на кострах. Если о нём узнают — мальчику конец. Его будут бояться даже собственные солдаты.

Селдон закончил и отступил.

— Всё, — сказал он. — Теперь только ждать.

Кассиан лежал без сознания. Его тело было покрыто Знаками — они пульсировали, светились, переливались в такт биению сердца. Огонь, сила, скорость, разрушение. И два знака на висках и на левом запястье — тёмные, нечитаемые, чужие.

Лекарь склонился над мальчиком и отшатнулся:

— Что это? Я никогда не видел таких Знаков.

— Я тоже, — солгал Селдон.

Альрик молчал. Он смотрел на сына и видел чужого человека. Ребёнка, которого он знал с рождения, больше не было — на кровати лежало что-то иное, страшное, непонятное.

— Он опасен, — произнёс Селдон, и каждое слово упало как камень в воду. — Шесть Знаков, ваше величество. У одного человека. Такого не бывает. Его магия будет хаотичной, неконтролируемой. Он может разрушить замок, не желая того. Он может убить случайным выбросом. Его нужно отослать.

— Отослать? — Голос Альрика дрогнул.

— В Рейвенхолд. Пограничная крепость на Драконьем Хребте. Лучшая школа всадников в королевстве. Там лучшие наставники, там он научится контролировать свой дар. И там, если он не справится... — Селдон сделал паузу, достаточно долгую, чтобы король сам закончил мысль. — ...никто не пострадает, кроме горстки солдат.

— Вы предлагаете отослать моего сына умирать? — Альрик шагнул вперёд, и в его глазах впервые за долгое время мелькнула искра. — Вы забываетесь, Меридан!

— Я предлагаю спасти корону. И вашего сына. — Селдон не отступил ни на шаг. Его голос оставался мягким, но в нём появилась сталь. — При дворе он станет либо посмешищем, либо чудовищем. Вы этого хотите для него? Сплетен, страха, ненависти? В Рейвенхолде он будет среди равных. Среди тех, кто поймёт его. Среди тех, кто не будет шархаться от его Знаков.

Ровена коснулась плеча мужа. Лёгкое, почти невесомое прикосновение — но Альрик вздрогнул, как от удара.

— Альрик, — сказала она, и её голос был тёплым, почти материнским. — Селдон прав. Мальчику будет лучше среди таких же, как он. Ты же не хочешь, чтобы он страдал здесь? Чтобы на него показывали пальцами? Чтобы каждая мать прятала от него детей?

Каждое слово било в цель. Ровена знала, на что давить. Альрик боялся за сына — она делала вид, что разделяет его страх. Альрик ненавидел дворцовые интриги — она предлагала избавить мальчика от них. Альрик сомневался в себе — она давала ему готовое решение, простое и якобы милосердное.

— И ещё, — добавил Селдон, — народу не стоит знать, что наследник стал таким. Мы объявим, что он не пережил Лихорадку. Это избавит династию от позора, а мальчика — от страха в глазах подданных.

— Вы хотите, чтобы я объявил своего сына мёртвым? — Альрик повернулся к нему, и в его голосе было что-то, чего Селдон раньше не слышал. Боль. Настоящая, неприкрытая.

— Я хочу спасти вас, и династию.

Альрик долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на кровать, где лежал Кассиан — бледный, неподвижный, с тёмными Знаками, оплетавшими руки как корни ядовитого растения. Потом — на жену. На её руку, лежавшую на его плече. На её глаза — тёмные, бездонные.

Что-то было неправильно во всём этом. Что-то кричало внутри него, билось, как птица в клетке, — но мысль ускользала, смазанная, размытая, словно кто-то накрыл её мутным стеклом. Он не знал, что иллюзии Селдона годами оплетали его разум — мягко, незаметно, как туман, который наплзает с моря и скрывает берег.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пусть будет так.

Ровена сжала его плечо. Чуть сильнее, чем нужно.

Селдон поклонился — безупречно, как всегда.

Кейран смотрел на всё это и молчал. Он видел, как мать и советник обменялись быстрыми взглядами. Видел, как отец, всегда казавшийся ему несокрушимым, пошатнулся и схватился за косяк. Видел брата — неподвижного, беспомощного.

Позже, когда всё кончилось и взрослые разошлись, он долго стоял в дверях спальни Кассиана и смотрел на Знаки, оплетавшие его руки. Огонь. Сила. Скорость. Разрушение. И два тёмных — на висках и запястье.

Он не знал, что они означают. Но чувствовал: что-то случилось. Что-то неправильное. Что-то, чего не должно было быть.

И всё же, глядя на поверженного брата, он не мог избавиться от мысли, которая жгла его сильнее Лихорадки:

Теперь я первый.

Он ненавидел себя за эту мысль. Но она была правдой.

Кассиан очнулся через три дня. Тело ныло, Знаки горели. Он попытался пошевелить рукой — и почувствовал знакомую тяжесть на запястье. Браслет. Кожанный, с серебряной застёжкой и маленьким драконом. Сиена.

Он сжал пальцы вокруг браслета. Единственная вещь, которая осталась с ним из прошлой жизни. Единственное, что связывало его с тем мальчиком, который сидел у фонтана и бросал крошки воробьям.

— Я справлюсь, — прошептал он. — Обещаю.

Он ещё не знал, что его объявили мёртвым. Не знал, что никогда больше не увидит Сиену — по крайней мере, так ему скажут. Не знал, что впереди — долгая дорога на восток, в крепость на краю королевства, и новая жизнь под именем Кас Бранд.

Но одно он знал точно: что-то пошло не так. Его тело горело силой, и среди этой силы было нечто тёмное. Нечто, что пряталось в тених по углам комнаты и ждало, когда он позовёт.

Сиена узнала об этом на следующее утро.

Тронный зал был забит до отказа. Придворные, советники, лорды провинций — все, кто обладал хоть каким-то весом в Альдари, собрались здесь, привлечённые слухами. Слухи поползли ещё ночью: принцу плохо, Лихорадка затянулась, лекарь не выходит из покоев, король мрачен, королева улыбается — последнее передавали шёпотом, с оглядкой.

Глашатай вышел вперёд. В руках у него был свиток с королевской печатью — синий воск, герб Эшборнов, ворон с распростёртыми крыльями. Он развернул его и начал читать, и голос его эхом разносился под сводами:

«Наследный принц Кассиан Эшборн скончался минувшей ночью во время Лихорадки Дара. Тело уничтожено магическим выбросом. Королевство скорбит. Да примут его боги в свои чертоги».

Зал ахнул. Кто-то всхлипнул — леди Маргерит, старая сплетница, у которой вечно были наготове слёзы для любого случая. Кто-то начал перешёптываться. Кто-то уже подсчитывал, что значит смерть наследника для расстановки сил в совете.

Ровена прижала платок к глазам. Платок был белоснежным, шёлковым, с вышитыми инициалами, и Сиена заметила то, чего не заметили другие: он остался совершенно сухим.

Король Альрик стоял на возвышении, прямой как палка, и смотрел поверх голов. Его лицо было серым, словно из него выкачали всю кровь. Губы шевелились — он что-то шептал, но никто не слышал, что именно. Может быть, имя сына. Может быть, молитву.

Селдон Меридан стоял справа от трона — на своём обычном месте, которое занимал последние пятнадцать лет. Его лицо выражало скорбь. Ровно столько скорби, сколько требовал момент. Ни больше. Ни меньше.

Кейран стоял рядом с матерью, и вот на него Сиена смотрела дольше всего. Он не плакал. Он не скорбел. Он стоял, выпрямившись, и на его лице застыло странное выражение — не печальное, не злое, а... напряжённое. Как у человека, который ждёт, что его вот-вот разоблачат.

Их взгляды встретились. Всего на секунду. И Сиена увидела в его тёмных глазах что-то, от чего ей стало холодно.

— Это ложь, — сказала она тихо.

Лорд Магнус, стоявший позади неё, сжал её плечо.

— Молчи. Не здесь.

— Но отец...

— Не здесь, — повторил он. — Позже. Дома. А сейчас — молчи.

Она замолчала. Но внутри у неё что-то сжалось в тугой узел — холодный и твёрдый, как стальной шар. Она не знала, жив ли Кассиан. Она не знала, куда его дели и что с ним сделали. Но она знала одно: всё, что сейчас сказал глашатай, — неправда. От первого до последнего слова.

И она узнает правду. Чего бы это ни стоило.

Она сжала кулаки — маленькие, ещё детские, с обломанными ногтями (вечно она их грызла, когда волновалась). В ушах шумело. Сердце колотилось где-то в горле. Она не заплакала. Слёзы придут позже, ночью, в подушку, когда никто не увидит.

А сейчас она стояла и смотрела на короля, на королеву с сухим платком, на Кейрана с его напряжённым лицом, на Селдона с его безупречной скорбью.

И запоминала.

Она запомнит этот день. Запомнит эти лица. И когда-нибудь — она поклялась себе в этом — правда выйдет наружу.

Повозка тряслась на ухабах, и каждый толчок отдавался болью.

Кассиан лежал на соломе, укрытый грубым одеялом, и смотрел в небо. Небо было чужим — не альдарийским, с башнями и шпилями, а огромным, пустым, непривычно низким.

— Далеко ещё? — спросил он. Голос прозвучал хрипло.

— День пути до Корвинии, — ответил всадник. — А там — ещё полдня в гору до крепости.

Корвиния. Рейвенхолд. Названия, которые мало о чем говорили.

Они ехали через королевство Эльден — семнадцать провинций, четыре великих города и сотни деревень, что жмутся к рекам. Но Кассиан видел только дорогу. Холмы сменялись скалами, скалы — горами. Горы были уже близко: он чувствовал их холодное дыхание, видел тени на горизонте.

Драконий Хребет — длинная иззубренная гряда, что простирается с севера на юг, отделяя Эльден от диких степей. Естественная стена королевства. Вдоль неё, как пять пальцев, сжимающих рукоять меча, стоят пять крепостей. Вейлгард на севере, Торнгард на перевале, Каргард в центре, Стормхолд у моря — и Рейвенхолд, юго-восточная твердыня на скале. Лучшая школа всадников в королевстве. Место, куда отправляют либо лучших, либо самых безнадёжных.

В эти горы люди приходят за драконами.

Магия в Эльдене не даётся от рождения. В двенадцать-четырнадцать лет ребёнка настигает Лихорадка Дара — внезапный жар, что длится от нескольких часов до трёх дней. Тело горит, сознание затуманено видениями. Если ребёнок выживает, на его коже проступают Знаки — татуировки, которые невозможно вывести или подделать, обозначающие определённые способности. Огонь, лёд, сила, скорость, щиты, чтение мыслей, иллюзии — и многое другое.

После Лихорадки одарённого отправляют в школу, где учат управлять даром и готовят к главному событию. В семнадцать-восемнадцать лет приходит Зов. Дракон выбирает всадника — ментальный импульс, который невозможно спутать ни с чем. Запах, чужая эмоция, вкус ветра и направление — как стрелка компаса, застрявшая в груди. Игнорировать его нельзя. Рано или поздно ты идёшь в Гнездовье.

Драконы не служат. Они заключают союз. Их много видов, и каждый — воплощение своей стихии. В Северных Пиках гнездятся Огненные Пеклорождённые — алые, с пламенем, что плавит камень. Там же, во льдах, живут Северные драконы — Ледяная смерть, серые, как металл, с голубым пламенем, что вымораживает до костей. На Драконьем Хребте — Скальные Жалохвосты, приземистые и мощные, с маслянистым пламенем. На побережье — Грозовые Штормокрылы, сине-фиолетовые, быстрые как молния. В Западных Лесах прячутся Зелёные Лесные тупорылы — с зеленоватым пламенем и ядовитым дымом. И есть Призрачные Ночные тени — чёрные, почти невидимые в сумерках, с багрово-чёрным огнём. Их почти не встречают. И никогда не забывают, если встретили.

Кассиан знал это из книг. Но одно дело — читать о драконах, и совсем другое — увидеть их вживую.

На полпути к Корвинии он увидел дракона впервые. Тот летел высоко — тёмный силуэт на фоне облаков. Крылья двигались медленно, величественно. Кассиан замер.

— Жалохвост, — сказал всадник. — Патрулирует границу. Привыкай, парень. В Рейвенхолде ты увидишь их сотни.

К вечеру они достигли Корвинии.

Портовый город встретил их запахом соли и рыбы, криком чаек и гомоном толпы. После тишины тракта это было оглушительно. Корабли с обвисшими парусами, сети на причалах, груды бочек и ящиков. Моряки орали на четырёх языках. Корвиния была последним оплотом цивилизации перед дикими землями.

— Вон там, — сказал всадник, указывая на восток.

Кассиан поднял глаза.

Над морем, на скале, врезанной в небо, стояла крепость. Она была чёрной — такой чёрной, что даже в лучах закатного солнца казалась вырезанной из ночи. Башни, острые как клыки, пронзали облака. Над главными воротами — герб: ворон с распростёртыми крыльями. Рейвенхолд.

Подъём занял полдня. Дорога вилась серпантинном, прижимаясь к скале, и с каждым поворотом море оставалось всё ниже, а небо становилось всё ближе. Ветер здесь был солёным и холодным, пробирающим до костей.

Ворота крепости были открыты. Двор внутри кипел жизнью: курсанты в серых формах тренировались с мечами, кто-то стрелял из лука, кто-то бежал по стене с полной выкладкой.

Кассиан спрыгнул с повозки. Ноги дрожали после долгой дороги, но он заставил себя стоять прямо.

По двору к нему шёл человек — высокий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, как старая скала.

— Кас Бранд, — сказал Эйнар Торвальд, останавливаясь в двух шагах. — Так тебя теперь зовут. Запомни это.

— Я...

— Ты — курсант. Будешь жить в блоке со своей стайей, есть в общей столовой, подчиняться командиру. Твоё прошлое умерло. Твоё будущее — здесь. Ясно?

Кассиан посмотрел ему в глаза.

— Ясно.

Эйнар помолчал.

— Хорошо. Идём. Покажу, где ты будешь жить.

Он развернулся и зашагал через двор. Кассиан пошёл за ним, чувствуя на себе взгляды курсантов. Он не знал, что будет с ним дальше. Он знал только одно: он жив. И он выживет здесь. Чтобы задать отцу самый главный вопрос. Чего бы это ни стоило.

Глава 2. Дочь Эйгисов

Весть о смерти наследного принца разлетелась по Альдарии за день.

К вечеру о ней говорили в каждой таверне, на каждом рынке, в каждом доме — от мраморных особняков Верхнего Города до покосившихся лачуг у реки, где рыбаки развешивали сети и спорили о политике, не имея к ней ни малейшего отношения. Слухи, как водится, обгоняли истину: принца отравили, принца убили, принц сам бросился с башни, не выдержав тяжести дара, принц не умер вовсе, а превратился в дракона и улетел на восток. Последнее рассказывали дети, и им почти верили — в конце концов, в Эльдене и не такое случалось.

Но правда была проще. И страшнее.

В особняке Эйгисов, что стоял на холме над рекой, было тихо. Слуги ходили на цыпочках, стараясь не попадаться на глаза хозяину. Лорд Магнус Эйгис сидел в своём кабинете, запершись на ключ, и не отвечал на стук. А его дочь стояла у окна своей комнаты, выходящего на замок, и смотрела, как над башнями Альдарии сгущаются тучи.

Ей было одиннадцать. В этом возрасте девочки из знатных семей уже понимают, что мир устроен не так, как в сказках. Но она поняла это позже — может быть, в тот самый момент, когда глашатай развернул свиток с синей печатью и произнёс имя Кассиана.

Она не плакала тогда, в тронном зале. Не плакала и сейчас. Слезы были где-то глубоко, спрессованные в тугий комок, который она не позволяла себе распустить. Она стояла и смотрела на замок, и думала о том, что где-то там, в этих каменных стенах, всё ещё живёт ложь.

В дверь постучали.

— Войдите.

Лорд Магнус шагнул в комнату. Он был высок, широк в плечах, с густой тёмной бородой, в которой только начали пробиваться серебряные нити, и глазами того же голубого оттенка, что и у дочери — только без сероватого ободка, который делал её взгляд грозovým. Он был военным, прежде чем стал политиком, и двигался по-военному: скупое, точно, без лишних жестов.

— Ты не ела, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

— Не хотелось.

— Понимаю. — Он подошёл и встал рядом с ней у окна. Помолчал. — Я тоже не верю.

Сиена повернулась к нему так резко, что коса хлестнула по плечу.

— Правда?

— Правда. — Он смотрел не на неё — на замок. — Я знал Кассиана с рождения. Он был сильным мальчиком. Очень сильным. Лихорадка могла быть тяжёлой, но не смертельной.

И магический выброс, уничтоживший тело — это... — Он замолчал, подбирая слова. — Это случается. Редко, но случается. Только я не верю, что это случилось с ним.

— Почему?

— Потому что Селдон Меридан был в его покоях в ту ночь. — Магнус перевёл взгляд на дочь. — А когда Меридан рядом с умирающим, этот умирающий редко выживает.

Сиена знала, что её отец не любит лорда-канцлера. Знала и то, что эта нелюбовь — не просто политическая неприязнь. Что-то было между ними, старая история, которую Магнус никогда не рассказывал. Может быть, связанная с покойной королевой Дианой. Может быть, с чем-то ещё. Но сейчас было не время для расспросов.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Ничего, — сказал Магнус. — Пока. Если я начну задавать вопросы сейчас, меня объявят паникёром или предателем. А ты... — Он положил руку ей на плечо. — Ты будешь жить дальше. Ходить в школу. Тренироваться. Ждать Зова. И никому не говорить о том, что ты думаешь. Ясно?

— Ясно.

Он кивнул и вышел. Сиена осталась у окна.

Ждать. Она ненавидела ждать. Но отец был прав: сейчас она ничего не могла сделать. Ей было одиннадцать, у неё не было ни дара, ни влияния, ни доказательств. Только чутьё — и холодный узел внутри, который отказывался верить в смерть Кассиана.

Три года спустя Лихорадка пришла к ней.

Это случилось весной, когда над Альдарией цвели яблони и город был окутан сладким, дурманящим ароматом. Сиена проснулась среди ночи от странного ощущения — ей было жарко, невыносимо жарко, хотя окно было распахнуто и с реки тянуло прохладой. Она попыталась сесть, но голова закружилась, и она рухнула обратно на подушки.

— Отец, — позвала она. Голос прозвучал слабо, почти жалобно, и она ненавидела себя за эту слабость. — Отец!

Магнус был рядом через минуту. Он, должно быть, не спал — ждал этого дня. Ждал с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, с тех пор, как первая девочка из её школы слегла с Лихорадкой и вышла из неё с даром целительства.

— Я здесь, — сказал он, опускаясь на колени у кровати. — Я здесь, моя хорошая. Дыши. Дыши глубоко.

Она дышала. Воздух входил в лёгкие и выходил обратно, обжигая горло. Тело горело. Ей казалось, что она — факел, который кто-то поджёг и забыл. Перед глазамиплыли цветные пятна, и в этих пятнах она видела лица — отца, Кассиана, Кейрана, какого-то незнакомого дракона с сине-фиолетовой чешуёй...

— Не уходи, — прошептала она.

— Не уйду. — Он сжал её руку. — Я с тобой.

Жар длился почти двое суток. Потом отступил — так же внезапно, как начался.

Когда Сиена очнулась, первое, что она увидела, были Знаки. Они проступили на коже, словно кто-то вытатуировал их светящимися чернилами: на правой лопатке — плавные линии, похожие на порыв ветра. На левом предплечье — изломанные стрелы молний. А на груди, прямо над сердцем, — третий Знак, которого она не ожидала и о котором знал только отец.

Магнус сидел в кресле у кровати, бледный, осунувшийся, с красными от недосыпа глазами. Он не спал все эти двое суток.

— Три Знака, — сказал он хрипло. — Воздух. Молнии. И щит.

— Щит — это хорошо, — прошептала она. Губы пересохли и потрескались. — Щит — это полезно.

— Это не просто щит. — Он наклонился ближе. — Посмотри.

Она посмотрела. Третий Знак, на груди, был не таким, как остальные. Он пульсировал мягким белым светом, едва заметным в полумраке комнаты. И когда она дотронулась до него пальцем, то почувствовала странное — как будто между ней и всем миром встала невидимая стена. Тонкая, прозрачная, но абсолютно непроницаемая.

— Это неуязвимый щит, — сказал Магнус. — Такой же, как у меня. Только у меня он держится несколько минут. А этот... — Он покачал головой. — Я никогда не видел такого Знака.

— И что это значит?

— Это значит, что тебя нельзя убить. — Он взял её руку и сжал. — Магией, оружием, ядом — ничем. Пока щит активен, ты неуязвима. Но слушай меня внимательно, Сиена. Никто не должен об этом знать. Никто.

— Почему?

— Потому что тот, кто знает о твоём щите, знает, как его обойти. — Его глаза были серьёзными, почти суровыми. — Абсолютная защита — это не подарок. Это мишень. Если при дворе узнают, что ты можешь выдержать любой удар, тебя начнут использовать. Пошлют в самое пекло. Поставят живым щитом между королём и смертью. Или попытаются изучить, чтобы понять, как это работает. Ты этого хочешь.

— Нет.

— Тогда молчи. Даже перед друзьями. Даже перед теми, кому доверяешь. Это твоя тайна.

И моя.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду молчать.

Он кивнул и отпустил её руку. Потом встал, потянулся — хрустнули суставы, — и направился к двери.

— Отдыхай. Завтра начнём тренировки.

— Отец?

— Да?

— Ты гордишься мной?

Он остановился. Повернулся. И улыбнулся — той редкой, тёплой улыбкой, которую он приберегал только для неё.

— Каждый день, моя хорошая. Каждый день.

Школа для одарённых размещалась в восточном крыле королевского замка — в том самом крыле, где когда-то жила королева Диана и где до сих пор пахло, как говорили старшие ученики, сушёными цветами. Сиена не чувствовала этого запаха, сколько ни принюхивалась. Но ей нравилось думать, что он там есть — невидимый, как сама память о покойной королеве.

Школа была лучшей в королевстве. Лучшие наставники, лучшие условия, лучшие ученики. Сюда попадали дети из знатных семей, чьи родители могли себе позволить частные уроки, и одарённые простолюдины, которых отбирали по всей стране и привозили в столицу за казённый счёт. Последних было мало, и держались они особняком. Первые — держались стайей, как породистые скакуны в одном загоне, и мерили друг друга родословными.

Сиена не принадлежала ни к тем, ни к другим. Она была Эйгис — дочь лорда Магнуса, члена королевского совета, — и это давало ей достаточно статуса, чтобы аристократы не смотрели на неё свысока. Но она никогда не кичилась своим положением, не носила дорогих украшений, не сплетничала о мальчиках. Она приходила, занималась и уходила. И это делало её чужой для всех.

Почти для всех.

Кейран был в той же группе.

Он прошёл Лихорадку через месяц после неё. Она слышала об этом от наставников: принц выжил, принц получил Знаки на висках, принц будет учиться вместе с вами. Никто не

удивился — в конце концов, он был Эшборном, а Эшборны всегда получали дар. Но когда Кейран впервые вошёл в класс, Сиена заметила перемену.

Он стал красивее. В четырнадцать лет мальчишки часто вытягиваются, обретают угловатую, неуклюжую привлекательность, но Кейран обрёл что-то иное — лоск, отточенность, как будто кто-то взял его лицо и доработал резцом. Светлые волосы, уложенные волосок к волоску, бледная кожа, тёмные глаза с той самой загадочной поволокой, от которой млели дочери советников. Он улыбался иначе, чем в детстве, — не натянуто, а мягко, почти ласково, и только Сиена замечала, что улыбка не доходит до глаз.

Он сел с ней рядом в первый же день. Не спросил разрешения. Просто сел, как будто это место принадлежало ему по праву.

— Давно не виделись, — сказал он.

— Три года, — ответила она.

— Я скучал.

Она подняла бровь. Он усмехнулся — легко, обезоруживающе.

— Ладно, не скучал. Но рад тебя видеть. Ты изменилась.

— Ты тоже.

— Я знаю. — Он откинулся на спинку стула и оглядел её с ног до головы — без наглости, но с откровенным интересом. — Воздух и молнии, да? Мне говорили. Впечатляет. У меня иллюзии. Ментальный дар, но не чтение мыслей — тут я в отца не пошёл. Мать говорит, это даже лучше. Иллюзионисту доверяют больше, чем тому, кто копается в чужих головах.

— Твоя мать много чего говорит.

Он улыбнулся — на этот раз почти искренне.

— Ты всё ещё носишь траур?

Вопрос застал её врасплох. Она машинально коснулась волос — чёрная лента, которую она вплела в косу в день смерти Кассиана, всё ещё была там. Три года. Она не снимала её ни разу.

— Я ношу то, что хочу.

— Прошло больше трёх лет.

— Тебя это касается?

— Меня это касается, потому что я забочусь о тебе. — Он наклонился ближе, и она почувствовала запах — сандал, мускус, что-то дорогое и немного приторное. — Мы же почти семья, Сиена. Ты и я. Были и остаёмся.

Она ничего не ответила. Просто встала и пересела за другую парту.

Кейран проводил её взглядом. Он не был зол. Скорее, раздосадован — как охотник, который промахнулся по лёгкой дичи. Но он не собирался сдаваться. Сиена чувствовала это кожей — каждый раз, когда он садился рядом в столовой, каждый раз, когда предлагал проводить её после занятий, каждый раз, когда смотрел на неё слишком долго. Это было похоже на осаду — медленную, методичную, без единого штурма, но с постоянным присутствием вражеской армии у стен.

И каждый раз, когда он подходил слишком близко, её щит едва заметно дрожал.

Не от угрозы — от неправды.

Разговор о свадьбе случился через два года.

Сиене было шестнадцать. Она вернулась из школы позже обычного — наставник задержал её после урока, чтобы обсудить прогресс в управлении молниями, — и застала отца в гостинной. Он сидел у камина с письмом в руке и смотрел в огонь. Лицо у него было такое, какого она не видела со дня смерти Кассиана: усталое, злое и одновременно беспомощное.

— Отец?

— Сядь.

Она села. Он протянул ей письмо. Она пробежала глазами по строкам — изящный почерк, гербовая бумага, подпись королевы Ровены, — и почувствовала, как желудок сжимается в ледяной комок.

«...в интересах короны и королевства... укрепить союз двух великих родов... брак между Её Светлостью Сиеной Эйгис и Его Высочеством Кейраном Эшборном... ответ ожидается в течение месяца...»

— Они хотят, чтобы я вышла за него, — сказала она. Не спросила. Констатировала.

— Да.

— И что ты ответил?

— Пока ничего. — Магнус потёр переносицу. — Но долго тянуть не получится. Ровена ставит условие: либо ты выходишь за Кейрана, либо наш род теряет место в совете.

— Она не может так сделать!

— Может. Она — королева. — Он горько усмехнулся. — Формально она не правит, но после смерти Кассиана и с тем, что Альрик... ну, ты видела короля. Он не в себе. Решения принимает она. И Селдон.

Сиена сжала письмо в кулаке. Бумага хрустнула.

— Я не пойду за него.

— Я знаю.

— Ты знаешь, что он... — Она осеклась. Хотела сказать «лжёт во всём», но это было бы слишком слабо. Кейран не просто лгал — он был соткан из лжи, как гобелен из ниток. Каждое его слово, каждый жест, каждая улыбка были частью узора, который он плёл годами. И она была частью этого узора — хочет она того или нет.

— Я знаю, — повторил Магнус. — И ты не пойдёшь за него. Но открытый отказ сейчас — это война. Война, которую мы не выиграем. У нас нет союзников при дворе. Эйгисы всегда были одиночками.

— Тогда что?

— Тяни время. — Он подался вперёд. — Зов ещё впереди. Через год, может, раньше. Когда ты станешь всадницей, ты получишь статус, которого нет даже у королевы. Всадник дракона не подчиняется дворцовым интригам. Никто не сможет тебя заставить.

— А если Зов не придёт?

— Придёт. — Он посмотрел ей в глаза. — Ты — моя дочь. И ты — Эйгис. Зов не обходит Эйгисов стороной.

Она хотела верить ему. Очень хотела.

Но где-то глубоко внутри, там же, где лежал холодный узел, оставшийся со дня смерти Кассиана, шевелился страх: а что, если он ошибается?

Кейран не понял отказа.

Он нашёл её на следующий день в школьном саду — в том самом саду, где они когда-то сидели втроём у фонтана. Сиена была одна. Она сидела на бортике, глядя на воду, и думала о том, что всё в этом мире повторяется — только люди становятся другими.

— Можно? — спросил он, хотя уже сидел рядом.

— Ты всё равно сядешь.

— Ты меня хорошо знаешь. — Он улыбнулся. — Я слышал, ты отказала.

— Ты слышал правильно.

— Почему?

Она повернулась к нему. Он сидел слишком близко — их плечи почти соприкасались. От него пахло сандалом, и этот запах вдруг показался ей удушающим.

— Я не хочу выходить замуж.

— За меня или вообще?

— За тебя.

Что-то мелькнуло в его глазах — быстрое, опасное, как вспышка молнии за горизонтом. Он тут же спрятал это за улыбкой, но она заметила. Заметила и то, как дрогнул её щит.

— Ты передумаешь, — сказал он мягко.

— Нет.

— Ты же знаешь, что после Зова мы будем учиться вместе. Столичная академия всадников. Лучшие наставники, лучшие драконы, лучшие условия. Мы будем видеться каждый день. Ты и я.

— Это ничего не меняет.

Он помолчал. Потом наклонился к ней — ближе, чем следовало, — и прошептал на ухо:

— Я подожду. Ты ещё поймёшь, что мы подходим друг другу.

Он встал и ушёл. Сиена осталась сидеть, глядя в воду. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели.

Она поняла две вещи.

Первая: он не слышит «нет». Он слышит «не сейчас». И это пугало её больше, чем открытая вражда.

Вторая: ей нужно убираться из Альдари.

Год спустя Зов всё ещё не пришёл.

Ей было семнадцать. Кейрану — тоже. Их обучение в школе подходило к концу, и вопрос о столичной академии всадников вставал всё острее. Ровена настаивала на помолвке — на этот раз не письмами, а прямыми требованиями, которые передавала через советников. Магнус тянул время, ссылаясь на то, что Сиена ещё не слышала Зова и не может принимать решений до того, как станет всадницей.

Это работало, но ресурсы были не бесконечны.

Кейран стал настойчивее. Он больше не спрашивал разрешения — он просто был рядом, всегда, везде. Провожал её после занятий, появлялся на тренировках, присылал цветы — ей и отцу. На людях он был сама любезность. Без свидетелей — другим.

Однажды он поймал её в пустом коридоре после вечерних занятий. Она задержалась допоздна — отработывала контроль молний, — и когда вышла, было уже темно. Он стоял у стены, скрестив руки, и ждал. Свет факела падал на его лицо, делая тени глубже, а черты — резче.

— Поздно ты.

— Я не просила меня встречать.

— А я сам. — Он оттолкнулся от стены и пошёл рядом. — Мне нравится смотреть, как ты тренируешься. У тебя очень красивые молнии. Тонкие, точные. Как ты сама.

— Кейран...

— Подожди, дай договорить. — Он остановился и развернул её к себе — не грубо, но крепко. — Ты избегаешь меня уже год. Я устал, Сиена. Я устал ждать, устал надеяться, устал думать, что ты передумаешь. Ты нужна мне. Ты нужна мне сегодня, сейчас, а не через год и не через два.

— Я тебе не нужна. — Она попыталась высвободиться, но он держал крепко. — Тебе нужно моё имя. Мой род. Моя магия. Всё, что угодно, кроме меня самой.

— Это неправда. — Его голос стал мягче, почти ласковым. — Я люблю тебя. Я всегда тебя любил.

— Ты не знаешь, что такое любовь.

— А ты знаешь? — Он наклонился ближе. — Ты знаешь, что такое любить кого-то, кто не замечает тебя? Кто смотрит сквозь тебя, как сквозь пустое место? Кто выбрал другого, хотя я был рядом всегда, с самого начала?

— Ты говоришь о Кассиане.

— Не произноси его имя! — Глаза Кейрана вспыхнули, и на мгновение она увидела то, что скрывалось под маской: ярость, зависть, боль. — Его нет. Его больше нет. А я есть. И я хочу, чтобы ты это поняла.

Он отпустил её и отступил на шаг. Лицо его снова стало спокойным, почти безмятежным, но Сиена видела, чего ему это стоило. Пальцы дрожали. На висках — там, где были Знаки иллюзий, — пульсировала едва заметная тень.

— Ладно, — сказал он. — Я подожду. Но помни: у тебя нет выбора. Ты можешь тянуть время сколько угодно. Но рано или поздно ты станешь моей. Так или иначе.

Он ушёл. Сиена стояла в пустом коридоре и смотрела ему вслед.

И в этот момент она поняла: ждать нельзя. Зов может прийти через месяц, через полгода, через год — или не прийти вовсе. А Кейран не будет ждать. Его терпение кончилось.

Нужно уходить.

Всё случилось через две недели.

Сиена задержалась в школе допоздна — помогала наставнику с младшими учениками, которые только начинали осваивать контроль воздуха. Когда она вышла, стемнело, и замковый двор был пуст. Только факелы чадили на стенах, бросая дрожащие тени на брусчатку.

Кейран ждал её у ворот.

— Ты сегодня поздно, — сказал он. Голос был ровным, даже скучающим.

— Я не просила меня встречать.

— А я не спрашивал.

Они пошли рядом. Сиена молчала. Кейран говорил — о погоде, об академии, о драконах, которых они скоро услышат. Она отвечала коротко, односложно, и с каждым её ответом его голос становился всё более натянутым, как струна перед разрывом.

У дома Эйгисов он схватил её за руку.

— Сиена.

— Отпусти.

— Нет. — Он развернул её к себе, и она увидела его лицо: больше не спокойное, не ласковое, а жёсткое, злое, с тёмным огнём в глазах. — Хватит. Хватит бегать от меня. Хватит делать вид, что меня не существует. Я устал. Я больше не буду ждать.

— Ты делаешь мне больно.

— Больно? — Он усмехнулся. — Ты не знаешь, что такое больно. Больно — это когда ты смотришь на женщину, которую любишь, а она смотрит на твоего мёртвого брата. Больно — это когда ты просыпаешься каждое утро и знаешь, что ты — второй. Всегда второй. Даже сейчас, когда его нет, ты всё равно выбираешь его.

— Это не...

— Молчи! — Он прижал её к ограде и навис над ней. — Ты должна быть моей. Ты всегда должна была быть моей. Ещё тогда, в детстве, когда наши отцы договорились — но выбрали не меня. Всегда не меня. Теперь его нет. А я есть.

Он наклонился. Его губы почти коснулись её губ. И тогда щит сработал сам.

Вспышка. Белая, ослепительная, беззвучная. Кейрана отбросило на три шага — он врезался в ствол старого дуба и сполз на землю, оглушённый. Его лицо выражало не боль — шок. Он не понял, что произошло. Он не знал о щите.

Сиена стояла над ним, и её глаза светились. Воздух вокруг неё дрожал, готовый ударить молнией. Она никогда не чувствовала себя такой сильной. И такой испуганной одновременно.

— Ещё раз приблизишься, — сказала она тихо, но каждое слово звенело как сталь, — и я забуду, что ты принц. Я забуду, что ты Эшборн. Я забуду, что мы знакомы с детства. Ты для меня станешь никем. Просто мишенью. Ты меня понял?

Он смотрел на неё снизу вверх, и в его тёмных глазах плескалась смесь страха и ярости.

— Ты пожалеешь, — прошептал он.

— Возможно. Но не сегодня.

Она развернулась и ушла.

Лорд Магнус ждал её в гостиной. Он не спал — сидел у камина, хотя огонь давно прогорел, и смотрел на угли.

— Я всё знаю, — сказал он, едва она переступила порог. — Слуги видели. Мне доложили.

— Отец...

— Ты правильно сделала. — Он встал и подошёл к ней. — Но теперь ты не можешь здесь оставаться. Кейран этого не забудет. Ровена — тем более. Они объявят тебя сумасшедшей, предательницей, кем угодно. Они найдут способ заставить тебя пожалеть.

— Что мне делать?

Он протянул ей конверт. Письмо. Запечатанное гербом Эйгисов — щит и молния.

— Это коменданту Рейвенхолда, Эйнару Торвальду. Он мой старый друг. Мы служили вместе, когда ты ещё не родилась. Он знает, кто ты. Он защитит тебя.

— Рейвенхолд? Это же пограничная крепость. Это...

— Лучшая школа всадников в королевстве. — Магнус улыбнулся, но улыбка была грустной. — Лучше столичной академии, что бы там ни говорили. И самое главное — она не подчиняется ни Селдону, ни Ровене. Торвальд — человек чести. Он не выдаст тебя.

— А ты?

— Я прикрою тебя. Запутаю следы. Скажу, что ты уехала на север, к родственникам матери. Они будут искать тебя где угодно, только не в Рейвенхолде.

— Почему?

— Потому что никто не догадается, что аристократка добровольно поехала в пограничную дыру. — Он усмехнулся. — А ты — дочь Эйгисов. Ты справишься.

Она обняла его. Крепко, до хруста. Он прижал её к себе и закрыл глаза. Единственный ребёнок. Единственная дочь. Его гордость, его боль, его сердце.

— Я вернусь, — сказала она.

— Я знаю.

— И когда я вернусь, я всё исправлю.

— Люблю тебя. — Он поцеловал её в макушку. — А теперь иди. Корабль отходит через два часа. Всё уже готово.

— Ты знал? — Она отстранилась и посмотрела на него. — Ты знал, что так будет?

— Знал, что ты не сдашься. Знал, что Кейран не отступится. И подготовился. — Он грустно улыбнулся. — Я же твой отец. Это моя работа.

Через два часа Сиена стояла на палубе речного судна, глядя на огни Альдарии, уплывающие в темноту. Корабль шёл вниз по реке, к морю, а оттуда — вдоль южного побережья на восток, в Корвинию.

В дорожной сумке лежали смена белья, тёплый плащ, немного денег и письмо к Эйнару Торвальду. На пальце — фамильный перстень Эйгисов, который отец надел ей на руку перед уходом. На груди, под рубашкой, — Знак, о котором знали только двое.

Она не знала, что ждёт её в Рейвенхолде. Не знала, что там, в крепости на скале, уже шесть лет живёт человек, которого она считала мёртвым.

Она знала только, что больше не позволит никому решать за неё.

Ветер с реки трепал её волосы — длинные, пшеничные, которые она так и не научилась заплетать как следует. Где-то внизу плескалась вода. Над головой рассыпались звёзды.

Сиена Эйгис стояла на палубе и смотрела в будущее.

И впервые за долгое время улыбалась.

Глава 3. Крыло №7

Дорога из Корвинии заняла полдня, и каждый поворот серпантина открывал новый вид — один величественнее другого. Слева море, бескрайнее и искрящееся, словно расплавленное

олово, справа — скалы, поросшие цепким кустарником, который умудрялся выживать на голом камне. Ветер здесь был не такой, как в Альдарии, — не душистый, несущий запах цветущих садов и печного дыма, а солёный, колючий, пропитанный йодом и свободой. Он трепал плащ Сиены, забирался под воротник, охлаждал разгорячённую после долгого пути кожу.

Лошадь шла медленно, устав после морского перехода и качки на речном судне, и Сиена не торопила её. Она смотрела по сторонам и пыталась осознать: это не сон. Она действительно здесь. В нескольких милях позади осталась Корвиния — шумный портовый город, пропахший рыбой и водорослями, последний оплот цивилизации перед дикими землями. А впереди, на скале, которая, казалось, выросла прямо из моря, чернел Рейвенхолд.

Крепость не выглядела творением человеческих рук. Скорее уж — продолжением самой горы, её клыкастой, неприступной вершиной. Стены из тёмного камня, сложенные без раствора, поднимались на головокружительную высоту и смыкались так плотно, что в стыки нельзя было просунуть и лезвие ножа. Башни — острые, как наконечники копий, — пронзали низкие облака. Над главными воротами, высеченный в камне, распростёр крылья ворон. Его глаза, казалось, следили за каждым, кто приближался к крепости.

«Вот он, — подумала Сиена. — Мой новый дом. Или моя тюрьма. Это уж как повезёт».

Она спешила у ворот, чувствуя, как гудят ноги после долгого сидения в седле. Двое стражников в тёмных плащах поверх доспехов скрестили копья — ритуальный жест, скорее дань традиции, чем реальная угроза.

— Кто такая? По какому делу?

— Сиена Эйгис. У меня письмо к коменданту Торвальду.

Фамилия сработала, как ключ в замке. Копья разошлись, стражники переглянулись, и тот, что постарше — с седым шрамом через всю щёку, — кивнул в глубину двора:

— Комендант в башне. Иди прямо, потом налево, лестница на третий ярус. Не заблудишься — там всего один коридор.

Она вошла, и жизнь Рейвенхолда обрушилась на неё всем своим шумом, гулом и лязгом.

Внутренний двор напоминал растревоженный улей. Группа курсантов в серых тренировочных формах — мокрых от пота, несмотря на прохладный ветер, — отрабатывала удары с мечом. Деревянные клинки сталкивались с глухим стуком, и после каждого удара в воздух взлетали облачка пыли. Кто-то стрелял из лука у дальней стены — тетива пела, как струна, и стрелы с влажным чмоканьем впивались в мишени. Из конюшни доносилось ржание, и какой-то парень с перепачканным сажей лицом тащил через двор огромную охалку сена, из которой во все стороны сыпались соломинки.

Пахло кожей, оружейным маслом, дымом из кузницы и чем-то ещё — терпким, звериным. Драконий запах. Сиена узнала его, хотя никогда прежде не чувствовала так близко. В Альдарии драконов показывали на парадах — издалека, из-за ограждений. Здесь они были повсюду.

Она замерла, задрал голову.

Над крепостью, разрезая небо, летели двое. Один — серый, приземистый, с мощным хвостом, увенчанным костяным жалом, которое на солнце отливало перламутром. Жалохвост. Его крылья двигались тяжело, но в каждом взмахе чувствовалась такая сила, что, казалось, ещё немного — и от этого ветра повалятся башни. Второй дракон был другим — сине-фиолетовым, с длинными заострёнными крыльями, которые рассекали воздух, как ножи. Штормокрыл. Он был быстрее и легче, и его полёт напоминал не танец даже, а какую-то стремительную, захватывающую дух музыку.

Они спустились ниже, и Сиена почувствовала ветер от их крыльев — тёплый, пахнущий грозой и раскалённым металлом. Жалохвост приземлился на стену, вонзив когти в камень с таким скрежетом, что у неё заложило уши. Штормокрыл сделал круг над башней и исчез за скалами, оставив после себя лишь серебристый след в небе.

— Впервые так близко? — спросил стражник со шрамом, заметив её взгляд.

— Да. — Голос прозвучал глухо, и она сглотнула, прочищая горло. — В Альдарии их не подпускают так близко.

— Привыкай. Здесь они повсюду. — Стражник усмехнулся, и его шрам сморщился, как старая гармошка. — Некоторые даже слишком близко. Мой сосед по казарме однажды проснулся от того, что Жалохвост просунул голову в окно и дышал ему в лицо. С тех пор парень спит с закрытыми ставнями.

Сиена невольно улыбнулась, представив эту картину, и заставила себя идти дальше, хотя ноги ещё дрожали. Она видела драконов и раньше, но никогда — так близко. Одно дело — смотреть на них с безопасного расстояния, совсем другое — стоять в двадцати шагах от живого Жалохвоста, чувствовать жар, исходящий от его шкуры, и видеть, как янтарный глаз — размером с кулак — провожает тебя с высоты стены.

В этом взгляде был разум. Древний, чуждый, но безусловный. И он оценивал её.

Она поёжилась и пошла быстрее.

Кабинет коменданта нашёлся на третьем ярусе — массивная дубовая дверь с железными полосами, которая выглядела так, будто могла выдержать удар тарана. Сиена постучала и, дождавшись короткого «войдите», шагнула внутрь.

Эйнар Торвальд сидел за столом, заваленным картами и донесениями, которые громоздились шаткими башнями и грозили вот-вот рассыпаться. Сам комендант был под стать своему кабинету — высокий, жилистый, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта давно забытой местности. Седые волосы были коротко острижены, а взгляд — стальной, цепкий, привыкший подмечать детали, — на несколько секунд задержался на Сиене. Она физически ощутила, как он считывает её: осанка аристократки, но без надменности; дорожная одежда свободного покроя, но ткань дорогая; руки без перчаток — значит, не боится мозолей.

— Леди Эйгис, — произнёс он наконец. Голос был низким, с хрипотцой, как у человека, который привык перекрикивать ветер. — Твой отец писал, что ты можешь приехать. Не думал, что так скоро. Проблемы при дворе?

— Можно сказать и так. — Сиена вытащила из сумки письмо Магнуса и положила на стол. — Он просил передать лично в руки.

Эйнар сломал печать — сургуч хрустнул, как яичная скорлупа, — и пробежал глазами строки. Читал он долго, дольше, чем требовало короткое послание, и по мере чтения его брови всё сильнее сходились к переносице. Наконец он отложил письмо и поднял глаза на Сиену. Взгляд был уже не оценивающим, а задумчивым. Как будто он решал в уме сложную шахматную задачу.

— Твой отец просит немногого, — сказал он. — Всего лишь сделать из тебя всадницу. Желательно до того, как королева Ровена объявит на тебя охоту.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь. — Он откинулся на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло. — Но ты должна понимать, куда попала. Рейвенхолд — это не столичная школа и не академия для благородных девиц. Здесь не носят шёлк, не танцуют на балах и не плетут интриги. Здесь холодно, тяжело и опасно. Ты будешь жить в блоке со своим крылом, есть в общей столовой из оловянной миски, подчиняться командиру, который, скорее всего, младше тебя по титулу, но старше по званию. Никаких поблажек. Никаких привилегий. Для всех ты — просто курсант Эйгис. Ясно?

— Яснее некуда.

— Тогда вот. — Он выдвинул ящик стола — тот поддался не сразу, заскрежетав так, будто его не открывали лет сто, — и достал небольшой кожаный мешочек. Монеты звякнули тяжело и солидно. — Это от отца. На первый месяц. Он написал, что будет выделять тебе определённую сумму ежемесячно. На мелкие расходы. Мыло, нитки, перчатки, зубной порошок — всё, что

не выдаёт казна. Форму, питание, оружие и экипировку ты получишь бесплатно, королевство не жалеет денег на содержание крепости. Но мелочи — за свой счёт.

Сиена взяла мешочек. Он был увесистым — не столько из-за монет, сколько из-за мысли, которую она ощутила почти физически: отец собирал его ночью, в спешке, после того как она убежала на корабль. Продумал всё до мелочей, хотя у самого впереди были месяцы, а то и годы придворной войны с Ровеной.

— Спасибо, — сказала она и сама удивилась, как глухо прозвучал голос.

— Не благодари. — Эйнар взял со стола колокольчик и звякнул. Звук оказался неожиданно мелодичным для такого сурового места. Через минуту в дверь постучали, и вошёл молодой парень в серой форме с нашивкой дежурного. Веснушчатый, рыжеватый, с любопытными глазами, которые он тут же уткнул в пол, заметив, что гостя — девушка.

— Келлан, — обратился к нему Эйнар, — проводишь курсанта Эйгис на склад за формой. Потом — в жилой корпус. Крыло номер семь. Командир Бранд. И не подглядывай, она всё равно заметит.

Парень побагровел так, что веснушки исчезли, слившись с общим тоном лица, и пробормотал что-то невразумительное. Сиена спрятала улыбку и вышла за ним.

Когда дверь закрылась, Эйнар Торвальд ещё долго смотрел на письмо Магнуса. Потом перевёл взгляд на дверь, за которой исчезла дочь его друга, и пробормотал себе под нос — так тихо, что даже мыши в углу не услышали:

— Добро пожаловать в Рейвенхолд, леди Эйгис. Твой жених, которого ты считаешь мёртвым, уже шесть лет как здесь. И ты только что получила назначение в его крыло. Но это не мне тебе говорить.

Склад оказался длинным, похожим на пещеру помещением в цокольном этаже главной башни. Вдоль стен громоздились стеллажи с тюками, ящиками и какими-то бесконечными коробками, подписанными неразборчивым почерком. Кладовщик — пожилой мужчина с лицом, напоминавшим печёное яблоко, — смерил Сиену взглядом поверх очков и что-то буркнул себе под нос. Кажется, «опять новенькая, и опять не парень». Но форму принёс быстро — три комплекта серой ткани, ботинки на толстой подошве, ремень с простой пряжкой и сумку через плечо.

— Курсант Эйгис? — уточнил он, сверяясь с помятым списком.

— Да.

— Распишись здесь. Комплектов три: тренировочный, полевой и выходной. Ботинки, ремень, сумка. Размер подбирай сама, если что не подойдёт — придёшь, обменяем. Только не через месяц, а то не останется.

Сиена расписалась и приняла стопку. Форма была добротной — плотная, чуть колючая ткань, крепкие, ровные швы. Никаких украшений, никаких знаков отличия, кроме маленького герба Рейвенхолда на левом плече — тот самый ворон с распостёртыми крыльями. Она провела ладонью по ткани. Шёлк остался в Альдарии, в прошлой жизни. Здесь начиналась другая.

Дежурный Келлан терпеливо ждал у двери, старательно глядя в потолок.

— Теперь в жилой корпус? — спросила она.

— Да, госпожа... то есть курсант. Крыло номер семь. Это в восточной части, третий этаж. Там у них своя гостиная и комнаты.

Они вышли во двор. Солнце уже перевалило за полдень, и тени от башен стали длинными и острыми, как клинки. Драконы на стенах провожали их взглядами. К Жалохвосту на стене присоединился второй — такой же серый, но помельче, вероятно, молодая особь. Они сидели бок о бок, соприкасаясь боками, и их хвосты свешивались вниз, как гигантские каменные водостоки. От этой картины веяло таким покоем и силой, что Сиена на мгновение забыла о своих тревогах.

— Сколько здесь драконов? — спросила она.

— В крепости — около полусотни, — ответил Келлан, явно гордясь тем, что может блеснуть знанием. — Это вместе с учебными и боевыми. В Гнездовье над крепостью — ещё больше, но те в основном непривязанные, ждут своих всадников. Говорят, в этом году большой урожай яиц. Ну, не урожай, конечно, драконы не пшеница, но... вы понимаете.

— Понимаю. Ты тоже ждёшь?

— Зов? — Он вздохнул. — Жду. В этом году будет семнадцать. Может, повезёт. А может, и нет. Говорят, Зов приходит не к тем, кто ждёт, а к тем, кто готов.

Жилой корпус был длинным зданием из того же тёмного камня, что и вся крепость. Коридоры — узкие, освещённые редкими факелами, которые чадили и потрескивали. Пахло кожей, оружейным маслом, сушёными травами и чем-то съестным — из-за одной двери доносился такой аппетитный запах жареного лука, что у Сиены заурчало в животе. Где-то смеялись, где-то звенело железо — курсанты тренировались даже в комнатах.

Келлан остановился у двери с цифрой «7» на табличке. Цифра была выбита глубоко, и в её углублениях темнела въевшаяся за годы пыль.

— Здесь. Крыло номер семь. Командир Кас Бранд. Он должен быть внутри. Если нет — подождите в гостиной, он скоро подойдёт.

— Спасибо, Келлан.

Парень кивнул, снова побагровел и исчез так быстро, будто его и не было.

Сиена осталась одна. Она посмотрела на дверь. Семь. Её новое место. Её новый дом — на ближайšie несколько лет, пока она не станет всадницей. Или пока за ней не явятся люди Ровены. Или пока она не поймёт, кто убил Кассиана.

Она выдохнула — медленно, как перед прыжком в ледяную воду. Поправила стопку формы, которая норовила выскользнуть из рук. И толкнула дверь.

В гостиной было тепло и немного накурено — в камине догорали дрова, и синеватый дымок лениво уползал в вытяжку. Пахло чаем, старым деревом и чем-то пряным — кажется, гвоздикой. Вдоль стен стояли потёртые кресла с продавленными сиденьями, у окна громоздился длинный стол, на котором кто-то забыл тренировочные перчатки с обрезанными пальцами. Семь дверей вели в личные комнаты — маленькие, одинаковые, как монашеские кельи.

В гостиной было шестеро.

Ближе всех к двери, развалившись в кресле с такой небрежной грацией, будто оно принадлежало ему по праву рождения, сидел парень с каштановыми волосами и улыбкой, которая могла бы осветить весь Рейвенхолд, если бы её обладатель научился её контролировать. При виде Сиены он присвистнул — коротко и мелодично.

— Ого. Новенькая. И, судя по всему, не из простых. — Он окинул её быстрым, но цепким взглядом, отметив и дорожную одежду, и осанку, и то, как она держит стопку формы. — Я Дейн. Дейн Ашфорд. Можно просто «Эй, ты». Но лучше Дейн.

— Сиена, — ответила она и тут же пожалела: меньше всего ей хотелось, чтобы её имя было у всех на слуху.

Рядом с Дейном возвышался настоящий великан. Не просто высокий, а огромный — казалось, стул под ним должен развалиться в любую секунду. Пшеничные волосы, стриженные явно самостоятельно и без зеркала, торчали во все стороны. Он поднял глаза на Сиену — светло-карие, тёплые, как растопленный мёд, — и тут же уткнулся обратно в стол, а его щёки залились густым румянцем. Торн Бранн, мысленно поставила она галочку. Такой не обидит и мухи, но стену проломит одним плечом.

У окна, подальше от камина, стоял третий парень — худой, с острыми чертами лица и книгой в руке. Книга была старой, в потёртом кожаном переплёте, с закладкой из пожелтевшей ленты. Он поднял глаза на Сиену — серые, спокойные, с прищуром человека, который привык наблюдать и делать выводы. Задержал взгляд на её лице, на дорожной сумке, на руках, сжимающих форму. Ничего не сказал, только чуть заметно кивнул и вернулся к чтению. Но

Сиена успела заметить, как он переглянулся с Дейном — быстро, почти неуловимо. Эти двое явно были друзьями.

В углу, на широком подоконнике, спиной к стеклу, сидел ещё один — светловолосый, с выгоревшими на солнце прядями и лёгкой улыбкой, которая, казалось, не сходила с его лица никогда. Он сидел, скрестив ноги по-турецки, и что-то строгал ножом из куска дерева. Стружки кучерявыми завитками падали на пол.

— Рей, — представился он, поймав её взгляд. — Воздух. Как и ты, если верить бумагам. Добро пожаловать.

— Ты уже знаешь?

— Комендант предупредил. — Он улыбнулся шире. — У нас редко бывают новенькие. Особенно такие, за которых просит сам лорд Эйгис.

«За которых просит». Значит, отец поговорил с Эйнарком не только письмом. Интересно, о чём ещё комендант предупредил крыло?

И, наконец, командир.

Он стоял у камина, опершись плечом о каменную кладку, и пламя бросало на его лицо пляшущие тени. Высокий — выше всех в комнате, даже выше Торна, хотя Торн был шире. Тёмно-каштановые волосы, чуть выющиеся у шеи, падали на лоб небрежной прядью. Плечи — широкие, развёрнутые, как у человека, который привык держать строй. Руки — с длинными пальцами, но с мозолями от меча на ладонях и костяшках. Тёмные Знаки — много, слишком много для одного человека — оплетали предплечья и уходили под закатанные рукава серой формы.

Он повернулся к ней. Шрам через левую бровь — старый, побелевший от времени. Твёрдый подбородок. Сжатые челюсти — так сжимают их люди, которые привыкли терпеть боль и не показывать этого.

И глаза. Голубые. Чистого небесного оттенка, слишком яркие для его сурового лица.

«Сиена Эйгис».

Он знал это имя. Знал с детства, когда ещё был другим человеком и носил другое имя. Знал, что она — дочь лорда Магнуса, самого верного союзника его отца. Знал, что её обещали ему в жёны, когда они оба ещё не понимали, что это значит. Знал, что после его «смерти» она осталась при дворе, рядом с Кейраном и Ровеной. И вот она здесь — в его крепости, в его крыле, в трёх шагах от него.

Он попытался прочесть её мысли — привычным, почти незаметным движением сознания, — и наткнулся на глухую стену.

Тишина. Непроницаемая. Абсолютная.

Это было... странно. Даже неожиданно. Он давно привык к тому, что чужие мысли — как шум прибора: всегда на заднем плане, всегда доступны, если прислушаться. С кем-то громче, с кем-то тише, но слышны все. Все, кроме неё. Её разум молчал, как запечатанный ларец. И это было прекрасно.

Потому что он смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Перед ним стояла та самая девочка, которая когда-то сидела с ним у фонтана и ловила крошки языком. Которая обещала не зазнаваться. Которая держала его за руку в тёмном коридоре западного крыла, когда он водил её смотреть на комнаты матери. Тогда она была малявкой с вечно растрёпанными волосами и носом, который она морщила, когда злилась.

Теперь она выросла.

Высокая, но не настолько, чтобы казаться неуклюжей. Тонкая талия, подчёркнутая широким ремнём дорожной одежды, плавный изгиб бёдер, который не могли скрыть даже свободные брюки. Длинные ноги — он помнил, как она носилась по саду, перемахивая через кусты, и ещё тогда было видно, что она вырастет высокой. Светлые волосы, собранные в косу, но уже успевшие растрепаться после долгой дороги, и глаза — голубые с сероватым ободком, как гро-

зовое небо, которое вот-вот разразится молнией. Тонкие черты лица, аристократические, но смягчённые этим её вечно вздёрнутым носом, который придавал ей вид не надменной леди, а любопытной девчонки.

Он не мог прочесть её мысли. Но интуиция — та самая, что не раз спасала ему жизнь в бою и в политике, — сказала ему то, что он и так знал: она не предательница. Не часть заговора. Она просто бежит — от Кейрана, от Ровены, от двора. Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Может быть, из того, как она держала спину — слишком прямо для той, кто лжёт. Может быть, из того, как она посмотрела на драконов — с восторгом, а не с холодным расчётом.

А может быть, из того, что он просто хотел в это верить.

— Новобранец? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Сиена Эйгис. Воздух. Молнии. Комендант Торвальд направил меня в ваше крыло.

Она не узнала его.

Это было видно по глазам — в них мелькнуло узнавание имени, но не лица. «Кас». Она повторила про себя: «Кас. Кассиан». Но тут же отогнала мысль, сочтя её глупой. Он видел это по тому, как она нахмурилась, как качнула головой, будто отгоняя мошкарку.

Он не мог слышать её мыслей, но видел это по лицу — как видел всегда, с самого детства. Она никогда не умела скрывать то, что чувствует.

— Кас Бранд, — сказал он. — Командир крыла.

«Прости, — подумал он, но не сказал вслух. — Прости, что не могу сказать тебе правду. Прости, что подозревал тебя. Прости, что ты здесь, в этой пограничной дыре, когда должна быть в безопасности, в столице, в своём особняке на холме. Прости, что не могу обнять тебя и сказать, что я жив».

Но вслух он не сказал ничего.

Из кресла у камина — Сиена не сразу заметила её, потому что кресло стояло в тени, — поднялась девушка. Высокая, худая, с платиновыми волосами, заплетёнными в тугую, идеально ровную косу. Стальные глаза смотрели холодно и оценивающе, и в этом взгляде не было ни грамма приветливости. Она окинула Сиену взглядом — быстрым, профессиональным, каким наёмники оценивают потенциальную угрозу, — и что-то в этом взгляде Сиене не понравилось. Не враждебность, нет. Скорее, настороженность. Так смотрят на человека, который вторгся на твою территорию и ещё не доказал, что имеет на это право.

— Эйра Крист, — сказала девушка. Голос у неё был резким, как удар хлыста. — Помощник командира. Идём, покажу твою комнату.

Сиена пошла за ней, чувствуя спиной взгляд Каса. Он не смотрел на неё — она знала это без доказательств, просто знала, как знаешь о приближении грозы, — но ощущение чужого внимания не проходило, пока за ней не закрылась дверь.

Комната оказалась маленькой, но уютной: кровать, застеленная серым одеялом, шкаф с тремя пустыми полками, письменный стол у окна. Узкое, как бойница, окно выходило на море, и сейчас вода в нём отливала тёмной синью. На подоконнике кто-то оставил засохший цветок — кажется, вереск. Северный цветок. Возможно, предыдущий жилец был родом оттуда.

Эйра остановилась у двери и обернулась:

— Ванная направо по коридору. Если хочешь принять душ до ужина — сейчас самое время, потом будет очередь. В столовую крыло ходит вместе, так что не опаздывай. Мы будем ждать в гостиной.

— Я быстро.

— Хорошо. — Эйра помолчала, словно хотела добавить что-то ещё, но передумала. — Форму наденешь завтра. Утром построение в шесть тридцать, не просп.

И вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Сиена осталась одна. Она положила форму на кровать и выглянула в коридор. Ванная нашлась сразу — узкая, но чистая, с горячей водой и даже куском серого мыла на раковине, которое пахло травами и золой. Она умылась с дороги, стёрла с лица пыль и усталость, переоделась в свежую рубашку.

Форма легла в шкаф — три серых комплекта, ботинки на полку, ремень на крючок. Она провела ладонью по ткани. Шёлк остался в Альдарии. Здесь начиналась другая жизнь — грубая, суровая, без кружев и вышивки. Но почему-то от этого было не горько. Скорее, легко.

Она подошла к окну. За узким проёмом, далеко внизу, море темнело, наливаясь вечерней синью. Над ним, в потоках ветра, кружили драконы — тёмные силуэты на фоне заката.

Кас Бранд.

Имя застряло в голове и не желало уходить.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли, и вышла в гостиную. Крыло уже собиралось — Дейн что-то рассказывал, размахивая руками и едва не задев Торна по лбу, Орин закрыл книгу и спрятал её в сумку, Рей спрыгнул с подоконника, сунув недотрагнутую деревяшку в карман. Эйра стояла у двери, скрестив руки на груди, и смотрела на всех с выражением лёгкого нетерпения.

Кас вышел из своей комнаты последним. Их взгляды встретились — на долю секунды, не больше. Он кивнул ей — коротко, сухо, — и сказал:

— Все здесь. Идём.

Крыло номер семь двинулось в столовую.

Столовая Рейвенхолда располагалась в главном корпусе и больше всего напоминала пещеру — огромный зал с каменными стенами и высокими сводчатыми потолками, которые терялись в полумраке, потому что факелы освещали только нижний ярус. Длинные деревянные столы, выскобленные до гладкости, тянулись ровными рядами. За каждым сидело своё крыло — семь-восемь человек в серой форме, склонённых над оловянными мисками. В углу, у раздаточной, выстроилась очередь с подносами. Пахло жареным мясом, свежим хлебом и чечевичной похлёбкой — густой, пряной, с лавровым листом.

Кас провёл крыло к их столу — крайнему слева, у окна. Место было закреплено за ними давно, и чужаков сюда не сажали. Семь табуретов. Семь приборов.

— Новенькая, садись рядом со мной! — тут же предложил Дейн, отодвигая табурет и сверкая улыбкой. — Я Дейн Ашфорд, если ты не запомнила. Огонь. И лучший рассказчик в этом крыле.

— Ты единственный рассказчик в этом крыле, — заметил Орин, не поднимая глаз от подноса.

— Вот видишь? Единственный и лучший. Садись, садись, не стесняйся.

Сиена усмехнулась и села. Дейн тут же придвинулся ближе — не нагло, но достаточно, чтобы обозначить интерес. От него пахло чем-то цитрусовым и дымом — странное, но приятное сочетание.

— Итак, Сиена Эйгис, воздух и молнии. Звучит грозно. Буквально. — Он подмигнул. — Ты откуда? Из столицы? У тебя выговор аристократический, и держишься ты так, будто за тобой невидимый слуга с опахалом ходит. Я таких, как ты, за версту чую.

— Я из Альдарии, — сказала Сиена спокойно. — А ты, судя по выговору, тоже не из крестьян.

— О, я из древнего и некогда богатого рода Ашфордов. — Дейн театрально прижал руку к груди. — Некогда — ключевое слово. Теперь от нашего состояния остался только перстень и чувство юмора. Перстень я не продаю, а юмором делюсь бесплатно.

— Это заметно, — сухо произнесла Эйра, садясь напротив.

— Эйра у нас ценительница моего юмора. Она просто скрывает это за ледяным фасадом.

— Я ничего не скрываю. Ты просто не смешной.

— Ранишь меня в самое сердце.

Торн тихо хмыкнул и уткнулся в тарелку. При Сиене он всё ещё краснел, и она заметила, что его пальцы, сжимающие ложку, чуть подрагивают — не от страха, а от того, что он боялся сломать её неосторожным движением. Он вообще двигался осторожно, как человек, который не до конца уверен в своём теле.

Орин наконец оторвался от книги и поднял глаза на Сиену. Взгляд у него был спокойный, изучающий — не оценивающий, а скорее любопытный. Как у человека, который привык собирать факты и складывать из них цельную картину.

— Орин Вейн, — представился он. — Целительство, щит. Добро пожаловать.

— Спасибо.

— Ты приехала одна? Из Альдарии до Корвинии путь неблизкий.

— Отец помог. — Она не стала вдаваться в подробности. — Дальше — сама.

Орин кивнул. Сиена заметила, как он переглянулся с Дейном — быстрый, почти неуловимый обмен взглядами, — и поняла, что эти двое обсуждали её ещё до её появления. Что ж, это было ожидаемо.

Рей, сидевший на другом конце стола, поймал её взгляд и улыбнулся — просто, без подтекста:

— Рей Харпер. Воздух, как и ты. Если что-то будет непонятно с тренировками — спрашивай. Я помогу.

— Спасибо, Рей.

— Он у нас скромный, — вставил Дейн. — Не то что я. Я вообще само совершенство.

— Ты само самодовольство, — поправила Эйра.

— О, она сегодня в ударе! Слышали? Эйра шутит. Это редкое явление, Сиена, замечай. Обычно она только меч точит и смотрит на всех, как на врагов.

— Я не смотрю на всех как на врагов. Только на тебя.

Дейн рассмеялся, и смех у него был заразительный — низкий, раскатистый, совершенно не вязавшийся с его образом легкомысленного позёра. Даже Торн улыбнулся, а Орин покачал головой, пряча усмешку.

Кас сидел во главе стола и ел молча. Он не вступал в разговоры, но Сиена чувствовала, что он слушает — внимательно, цепко. Его взгляд иногда скользил по ней — быстро, почти незаметно, — и каждый раз ей казалось, что воздух в этом месте становится чуть плотнее. Она не могла объяснить это ощущение. Может быть, дело было в том, как он двигался, — скупое, экономное, как человек, который привык контролировать каждое своё действие. А может быть — в том, как он смотрел. Слишком пристально. Слишком... лично.

Эйра сидела напротив и почти не участвовала в разговоре, но Сиена замечала её короткие, острые взгляды. Когда Кас задержал взгляд на новенькой, пальцы Эйры чуть крепче сжали ложку. Когда Дейн предложил Сиене сесть рядом с ним, Эйра поджала губы. Она не была враждебной — по крайней мере, не открыто. Но Сиена чувствовала исходящее от неё напряжение, как чувствуют холод от незакрытого окна.

Дейн тем временем не унимался:

— Так, Сиена, раз уж ты теперь с нами — расскажи что-нибудь о себе. Воздух и молнии — это серьёзно. Где училась? У тебя наверняка был хороший наставник.

— В столице, — коротко ответила она. — Наставник был строгий, но дело своё знал.

— В столице! — Дейн присвистнул. — Я же говорил — аристократка. Ты знала кого-то из Эшборнов? Принцев там, советников?

Сиена на мгновение замерла. Вопрос был невинным, но внутри что-то сжалось — маленький, холодный узел, который всегда сжимался при упоминании этого имени.

— Знала, — сказала она ровно. — Давно.

— И как они? — Дейн подался вперёд, явно не заметив её напряжения. — Кейран, кажется, сейчас наследник? Говорят, он иллюзионист. Красивый, наверное, как все Эшборны. Или как?

— Как все, — отрезала Сиена.

Дейн наконец почувствовал, что тема скользкая, и тут же переключился — за что она была ему благодарна:

— Ну, у нас тут свои принцы. Вон, Кас, например. — Он махнул рукой в сторону командира. — Наш командир — лучший боец в крепости. Серьёзно, ты бы видела его на тренировках. Я однажды попытался его задеть — до сих пор плечо ноет.

— Ты пытался его задеть, потому что ты идиот, — сказала Эйра.

— Я пытался его задеть, потому что я воин! И воин должен испытывать свои силы!

— Ты пытался его задеть, потому что хотел покрасоваться перед девушками из пятого крыла, — уточнил Орин, перелистывая страницу.

— И это тоже, — легко согласился Дейн. — Но девушки были впечатлены.

— Они смеялись, — сказал Рей.

— Смех — это тоже реакция!

Сиена невольно улыбнулась. В этом крыле было шумно, бестолково и весело — совсем не так, как в холодных коридорах дворца. Она перевела взгляд на Каса. Тот слушал перепалку с каменным лицом, но в уголках его губ что-то дрогнуло — то ли усмешка, то ли её тень. Он поймал её взгляд и на мгновение задержал его. Сиена отвела глаза первой.

— Кстати, о тренировках, — продолжал Дейн. — Завтра у нас общее построение, а потом — занятия с оружием. Ты как с мечом?

— Держу.

— «Держу» — это как? Как Торн, который ломает учебные мечи, или как Орин, который предпочитает не брать их в руки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.